

витии этой идеи у Гёте и в вынесении ее в подтекст у Пушкина и состоит одно из существенных различий в оформлении фаустовской темы обоими поэтами.

Пушкинский отрывок было бы любопытно соотнести не со второй и даже не с первой частью гётевской трагедии, а с «Прафаустром» Гёте-штюрмера, где начинает выкристаллизовываться принцип социально полезной деятельности.

Обращает на себя внимание отмеченная В. М. Жирмунским перекличка «Сцены из Фауста» с «Евгением Онегиным». Представляется интересным рассмотреть в «фаустовском» аспекте пушкинский роман в стихах, в частности широко и многообразно разработанный в нем поэтом мотив искушения.

Заметим, что в поле зрения Пушкина в разные периоды его жизни находилась довольно значительная литература, посвященная фаустовской теме; назовем здесь французскую народную книгу о Фаусте, основанную на известном издании Й. Шписа, и капитальный труд К. Мармье «Этюды о Гёте», где прослежено зарождение легенды о Фаусте и ее филиация в европейские литературы [22, 23]. Пушкин также читал книгу госпожи де Сталь «О Германии», содержащую подробное изложение первой части гётевского «Фауста».

Понятно, что в вопрос о влиянии Пушкина на Гёте получает смысл только в том случае, если будет доказано знакомство немецкого поэта с пушкинской «Сценой». На сегодняшний день какие-либо подтверждения этого отсутствуют. Тем не менее можно предположить, что Гёте знал о произведении русского поэта; основанием для такого предположения помимо всего иного служит следующее обстоятельство.

Как известно, Гёте первым выдвинул идею мировой литературы [24—27]. С точки зрения современной науки, гётевскую концепцию мировой литературы можно определить как теорию интернационального литературного общения, в которой, в частности, зафиксированы различные типы литературных контактов: художественный перевод, личные связи писателей разных стран и др. Важно подчеркнуть, что Гёте, принимая в своем доме в Веймаре многочисленных зарубежных литераторов, переводя произведения иностранных авторов на немецкий язык и пропагандируя их, тем самым вносил большой личный вклад в «скорейшее наступление» прокламированной им «эпохи мировой литературы».

С другой стороны, поэт с напряженным вниманием наблюдал за рецепцией творчества немецких писателей (в том числе собственных произведений) в зарубежных литературах, видя в этом знаменательный пример интенсификации интернационального литературного взаимодействия: выступавшая еще в годы молодости Гёте в качестве «воспринимающей», немецкая литература в 1810—1820 гг. все более превращалась в источник влияния на другие литературы [28].

Своеобразие восприятия поздним Гёте той или иной литературы раскрывается именно в ракурсе его концепции мировой литературы. Не является в этом отношении исключением и русская литература [2; 29—32]. Из многочисленных сообщений, оставленных русскими посетителями Гёте и свидетельствующих о глубоком интересе поэта к русской словесности, приведем только одно, принадлежащее Н. М. Рожалину, участнику кружка Любомудров, страстному поклоннику Гёте и пропагандисту его творчества, автору замечательного по тем временам перевода «Вертера» на русский язык. Посетив (вместе с С. П. Шевыревым и княгиней З. Волконской) поэта 12 мая 1829 г., Рожалин писал родителям: «Гёте интересуется всем, что касается до России, читал все, какие есть, французские, немецкие, английские и итальянские переводы наших стихотворений, расспрашивал меня, что переведено на русский с английского и немецкого, звал на другой день опять к себе» [33, с. 565].

Легко предположить, что в контексте таких «расспросов» могла быть